

63.312/53-8

A84

CA-390550

ВЛАДИМИР НАБОКОВ, ОТЕЦ ВЛАДИМИРА НАБОВОВА

(Standort Hamburg-Neuengamme) -----
Der Sergley Nabokoff -----
Beruf unbekannt -----, Religion -----
Geburtsort in unbekannt -----
Ist am 5. Januar 1945 ----- um 02- Uhr -----
Hamburg-Neuengamme, Hausdeich 60 -----
Der Verstorbene war geboren am 13. März 19 -----
in St. Petersburg, Russland -----
nicht ----- urteilt unbe -----

Post
Handwritten text in Cyrillic script, including the word "Почта" (Post) and "Министерство" (Ministry).

Григорий Аросев

Григорий Аросев

Владимир Набоков, отец Владимира Набокова

ca-390550

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Содержание

Вступление	5
------------------	---

ЧАСТЬ I. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Глава первая. Некрасивый брак	11
Глава вторая. Появление Елены	24
Глава третья. Три усадьбы.....	34
Глава четвертая. Гессен и «Право».....	39
Глава пятая. Кадеты.....	43
Глава шестая. Клинч.....	55
Глава седьмая. 2379	67
Глава восьмая. Выборг и Кресты.....	71
Глава девятая. Дуэльный инцидент	86
Глава десятая. Дети Владимира.....	100
Глава одиннадцатая. Война и революция.....	143

ЧАСТЬ II. КРЫМ

Глава двенадцатая. Крым и Крым.....	177
-------------------------------------	-----

ЧАСТЬ III. БЕРЛИН

Глава тринадцатая. Центр русской эмиграции	195
Глава четырнадцатая. Максимальная эволюция: Владимир и Владимир	208

Глава первая

Некрасивый брак

«По отцовской линии мы состоим в разнообразном родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пушными, Данзасами», — рассказывал Владимир Набоков в своем романе «Другие берега». Доказательства найти можно, но особого интереса они не представляют, ибо родство было весьма дальним (точнее, «родства» — во множественном числе).

Первый Набоков, о котором известно, что он не только существовал, но и имел отношение к впоследствии знаменитому семейству, — генерал Александр Иванович Набоков (1749–1807). Герою нашей книги он приходился прадедом. Во время первой русско-турецкой войны Александр был дружен с Суворовым.

Младший сын Александра, Николай (1795–1873), также состоял на военной службе, хотя его карьера была короткой и совершенно неприметной. В 1812 году он окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, затем в чине мичмана служил во флоте. Далее перешел в лейб-гвардию Московского полка. В 1823 году, в 28 лет, он вышел в отставку и поселился в своем имении под Псковом. В дальнейшем он поступил на службу в Псковское удельное ведомство (так назывались, по-современному выражаясь, управляющие компании, распоряжавшиеся землями и недрами императорской семьи), где работал 13 лет — до 1835 года. Причины, по которым он

Глава вторая

Появление Елены

Поначалу Владимир обучался на дому — так было в Батово, так продолжалось в Санкт-Петербурге, куда семья переехала на постоянное жительство после назначения Дмитрия Николаевича министром юстиции в 1878 году.

Своих старших сыновей — Дмитрия и Сергея — отец определил в то же Училище правоведения, которое окончил и сам. А вот Владимира, которого неспроста считали самым талантливым, решили готовить к университету. Что требовалось для университета? В первую очередь древнегреческий и латынь. Мальчика Володю — впрочем, он уже начинал превращаться в юношу, потому что домашнее обучение продолжалось до его 13 лет — определили в гимназию. Кстати, одним из его домашних учителей был отец Константин Ветвеницкий, преподававший ему Закон Божий и много лет спустя крестивший нескольких детей своего ученика, в том числе Владимира, будущего писателя.

Набокова отдали в лучшую (и одну из старейших) городскую гимназию — третью, тогда она называлась «Санкт-Петербургская мужская классическая». Гимназия существует по сей день — в статусе школы и под номером 181 она стоит в Соляном переулке, между Летним садом и Литейным. Принимали туда не только «знатных» детей, а вообще всех, кто заслуживал. Среди выпускников — критик-революционер Писарев,

Глава третья

Три усадьбы

Из трех петербургских усадеб, к которым так или иначе имели отношение Набоковы, ныне существует только одна, и, к сожалению, это усадьба Рождествено. «К сожалению», потому что Набоковы там почти не бывали, хотя сам по себе дом тут ни при чем. Две прочие — Выра и Батово, — значительно теснее связанные с семьями Корф, Набоковых и Рукавишниковых, сгорели. Первая в 1944 году, после ухода немецких захватчиков (от Выры остался один фундамент, который сейчас сложно отыскать среди деревьев и кустов), вторая еще в 1923-м. Сохранилось очень мало фотографий домов в Выре и Батово, однако впечатление о них составить можно.

Деревянный двухэтажный особняк в Выре, где в летнее время жило семейство Набоковых, росли Владимир-младший (он называл этот дом «наша Выра», потому что левый берег реки Оредеж тоже назывался Вырой, и Набоков таким образом подчеркивал, о какой именно Выре идет речь) и его братья-сестры, был выстроен в стиле русской эклектики. Дом со стороны подъезда к нему был расположен на небольшой возвышенности, что делало главный фасад еще более парадным. Четыре крупных эркера, один из них двухэтажный, кирпичное крыльцо, крытая терраса, мезонин в виде прямоугольного флигеля, позднее пристроенный частично остекленный балкон, резные фризы и аттики, подзоры, карнизы,

Глава десятая

Дети Владимира

Первое и главное, что бросается в глаза, когда изучаешь эту тему, — как же мало о них известно. О всех, кроме Владимира-младшего. Сведения приходится собирать буквально по крупицам, и складывающаяся картинка подчас выглядит крайне непонятно, как будто маленькую фотографию из паспорта растянули на огромный киноэкран — контуры есть, но разглядеть можно немного.

Впрочем, это не означает, что не надо пытаться.

«Ни искупить, ни восполнить». Судьба Сергея

Среди всех детей Владимира Дмитриевича и Елены выделяется, конечно, Владимир — старший сын. Он преодолел неблагоприятные обстоятельства, сумел избежать смерти, которая быстро добралась бы до него и его семьи в нацистской Германии, и стал тем, кем стал, — классиком мировой литературы. Сергей, их второй ребенок, средний брат среди трех, прожил совсем другую жизнь, куда более трагическую, полную непонимания и неудач.

На всю жизнь Сергея оказала влияние его гомосексуальность. К несчастью, первыми (и, очевидно, главными) непонимающими и не принимающими его предпочтения были члены семьи. «Грязный секрет», «странные, уродливые

Глава двенадцатая

Крым и Крым

Крымский этап жизни Набоковых изучен очень фрагментарно. Возможно, что-то хранится в крымских архивах, но доступ к ним очень затруднен. Из опубликованных историком Алексеем Пученковым заметок В. Д. Набокова «Крым в 1918/19 годах» проясняется многое относительно работы Крымского краевого правительства, куда входил сам Набоков, хотя и не полностью (заметки обрываются чуть ли не на полуслове). А вот сохранившиеся подробности бытовой крымской жизни семейства Набоковых едва ли могут полностью удовлетворить наш интерес, хотя в силу естественных причин жизнь Владимира Набокова — младшего изучена максимально.

Набоковы провели в Крыму менее полутора лет — 17 месяцев. Как мы знаем, они приехали на юг тремя партиями: Елена с младшими детьми, Владимир и Сергей — отдельно (благодаря описанию Владимира-младшего известен случай, что Сергей в дороге умело симитировал приступ тифа, чтобы к ним в купе не подсадили никого из военных). Последним, 3 декабря, прибыл Владимир Дмитриевич.

Они поселились недалеко от Кореиза, в Гаспре, километрах в десяти от центра Ялты. Кров Набоковым дала графиня Софья Панина, чья мать, Анастасия Сергеевна, была замужем за Иваном Петрункевичем — кадетом, членом Думы первого созыва, отбывавшим точно такое же, как и В. Д. Набоков,

Центр русской эмиграции

«...Порт уже был захвачен большевиками, шла беспорядочная стрельба, ее звук, последний звук России, стал замирать, но берег все еще вспыхивал, не то вечерним солнцем в стеклах, не то беззвучными отдаленными взрывами...» — писал В. В. Набоков в «Других берегах».

Путь Набоковых лежал в Великобританию, но уже не воюющую, а вполне мирную. Как протекала их жизнь в Лондоне, известно довольно подробно, а вот как все было «в пути» — неясно. Мы заключаем и эти слова в кавычки, так как Набоковы не только плыли или ехали, они, пусть недолго, жили там, где оказывались.

В Константинополе, куда доплыли на третий день, пассажиров даже не пустили на землю: не было разрешения. Пришлось два дня просидеть на корабле, и минареты, такие интересные поначалу, как пишет Брайан Бойд, стали казаться фабричными трубами. Два дня спустя судно прибыло в Пирей, но еще столько же было вынуждено простоять на карантине, хотя на борту закончились и вода, и продовольствие. Вышло так, что Владимир-младший встретил свое 20-летие ровно в этот день — окончания карантина и первого схода на берег. (К слову, в Афинах ему не понравилось ровным счетом ничего, кроме Акрополя, никаким греческим очарованием он не проникся.) Почти ровно месяц Набоковы прожили в неплохом

Шабельский-Борк и Таборицкий

Набоков издавал «Руль», и поэтому несколько дней подряд его смерть была единственной темой газеты. Публиковали все, включая телеграммы соболезнования. И при этом в цитируемых «Рулем» соболезнованиях коллегам и семье (к слову, в печати семья вообще отошла в сторону, жена и дети упоминались вскользь, а русскоязычная газета «Накануне» 30 марта и вовсе написала, что у ВДН осталось не пятеро детей, а трое) постоянно фигурировала мысль, что в здании берлинской филармонии свершилось «подлое убийство».

«С ужасом и глубокой жалостью узнал об отвратительном убийстве несчастного Владимира Дмитриевича... Уж, кажется, ко всему мы привыкли в тяжкие наши времена, но, очевидно, нет предела мерзости человеческой: сумели изумить мир злодейством!..» — написал драматург Александр Амфитеатров, живший в ту пору в Праге.

«Предательская пуля выбила В. Д. из рядов борцов за освобождение России», — слова Романа Ильича Штейна, адвоката, члена редакции «Руля».

«Правление русского студенческого союза в Германии глубоко потрясено кошмарным и подлым убийством уважаемого В. Д. Русское общество потеряло лучшего деятеля, русское студенчество — лучшего друга»¹, — без конкретной подписи.

¹ Все цитаты далее: «Руль», 30, 31 марта, 1922.

Владимир Дмитриевич Набоков,
перерисовка

Елена Набокова (Рукавишникова),
перерисовка

Владимир Владимирович
Набоков

Berlin-Grünwald.
Egerstrasse 1.

6 Сент. 1920.

Дорогой Павел Николаевич,
посылаю Вам тот же лист
Диттманна, о котором я гово-
рю в еженедельной корреспонден-
ции, — на случай, если он Вам
еще не попадался. —

Лист „молчание — знак согласия“,
но я считаю бы лучше еще
Вам быть определенным иначе
по поводу моего первого письма.
Во всяком случае, дайте мне, пожа-
луйста, указания касаясь рас-
пределения корреспонденции. Первая, по
видимому, была отбрана, и я не
знаю, сколько из моих руко-
писок и страничек сохрани-
лось. Этого же Зейдлица печатная
текста. Н. И. Усачев нарисовал мо-
жет быть что-то ослепило уже совершенно
точно. Это мне важно знать для
распределения и трактовки моего
дела, который может быть от-
носительно.

Особенно укажу А. П. Гукера,
выдающийся французский, который
на какое-то время. Да, да, мне

Письмо В. Д. Набокова Павлу Милюкову.

Источник: Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории
и культуры Колумбийского университета Нью-Йорка

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**